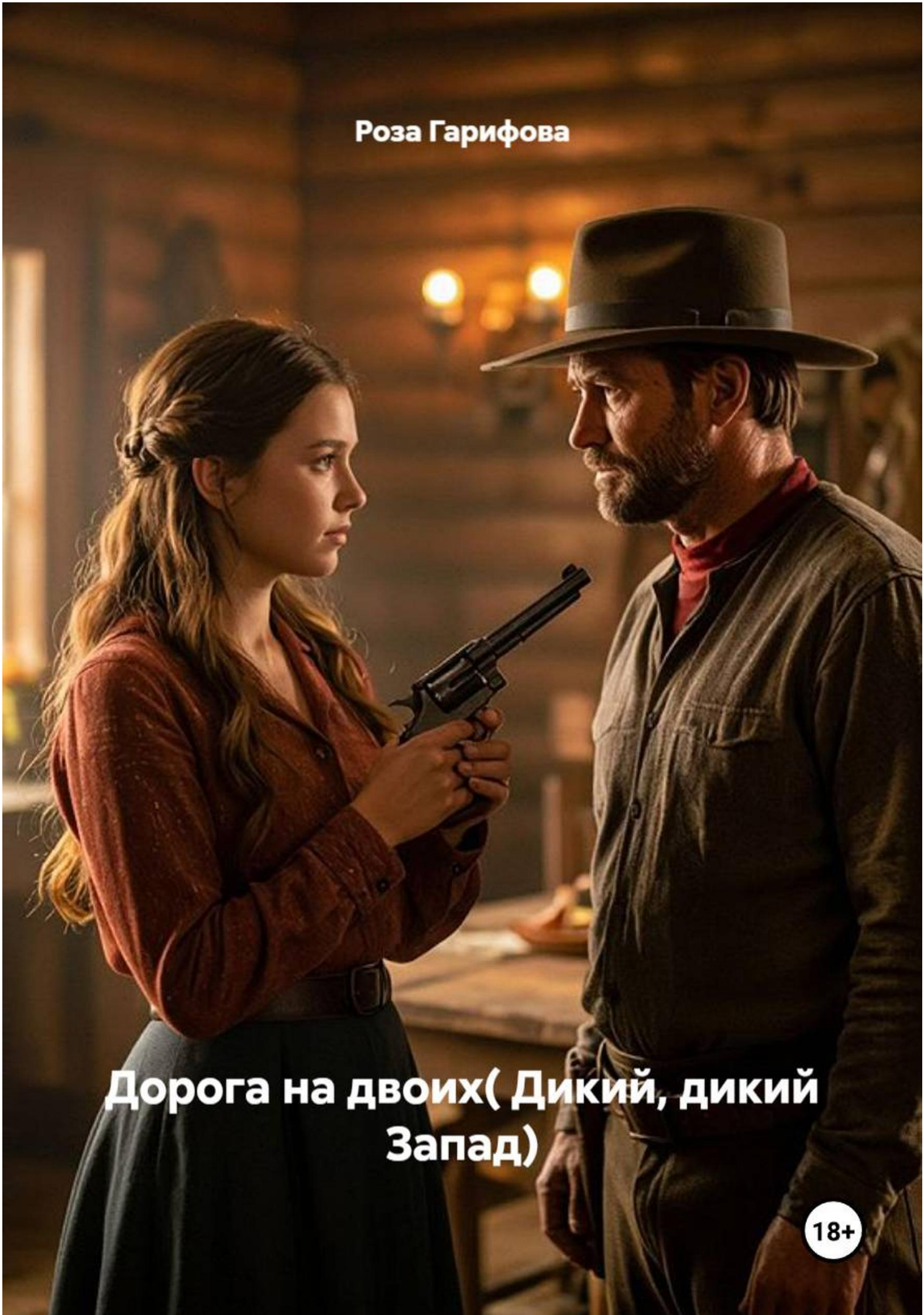

Роза Гарифова
Дорога на двоих(Дикий, дикий Запад)
18+

Роза Гарифова

Дорога на двоих(Дикий, дикий Запад)

«Автор»
2026

Гарифова Р. М.

Дорога на двоих(Дикий, дикий Запад) / Р. М. Гарифова — «Автор», 2026

Сюжет о взрослении — Хелен из наивной девочки, не умеющей держать револьвер, превращается в женщину, которая отвоёвывает своё счастье у судьбы. Параллельно — история матери, бывшей любовницы мафиозного главаря, нашедшей запоздалую любовь ценой ранней потери. Две линии любви, приключенческий каркас (засады, плен, ограбления, угроза богача-самозванца), быт и нравы переселенческого городка.

© Гарифова Р. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 6
Часть 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Роза Гарифова
Дорога на двоих(Дикий, дикий Запад)

Дорога на двоих(Дикий, дикий Запад)
исправленная редакция

Часть 1

Очень, очень дикий запад...

Хмурое утро с нагромождениями свинцовых туч на небосклоне, нельзя обойтись без дуновения пронизывающего ветра и промозглый, навивающий уныние дождь –общепринятое описание осени.

Моя семья — это я и мама. «Осень не является камнем преткновения для движения вперед» — говорит мама.

Несмотря, на выраженное присутствие данного сезона у нас во дворе, мама устроила самый бурный день по сбору вещей к отъезду на Запад. Я всегда удивлялась и немного стеснялась своей мамы, она выбивалась из образа женщины — матери, у нее энергии хватило бы на десяток людей, чтобы заразить идеями, многими из которых сочли бы бредовыми.

Родителей не выбирают. Мой отец был очарован «моей мамой» и любая затея, даже крамольного характера поддерживалась отцом.

И эта поддержка, легла могильной плитой на него. Мама больше не вышла замуж. Я думаю, что мужчины ее просто боялись, после того случая, когда мама отстрелялась от всех бандитов, а отец схватил первую пулю, не выстрелив ни в кого. И соседи сторонились маму и, заочно, боялись меня.

Почему Запад. Мама общалась с определенным кругом. Она знала, что туда отправляют много денег, и это развивающая часть страны, где становятся нищие богатыми, а богатые, соответственно могут стать бедными.

Я знала, что мама могла прожить и здесь неплохо. Идея обогащения не была приоритетом в принятии данного решения. Мне порой не удавалось расшифровать мамино поведение. И это утро сборов, и погодой размазнёй вызывало глухое «рычание» в моей душе.

— Хелен, ты очень, и очень тормозишь, ты еще не положила ни одну вещь, а скоро придет фургон.

— Может я останусь здесь. Тут могила отца, присмотреть надо.

— А следующей могилой будет твоей.

— Если улыбаются люди тебе, это не значит, что пистолет у них разряжен.

— Почему считаешь, что не могу защититься?

— Ты даже по утрам не бегаешь со мной и не занимаешься спортом.

— Тебе найдем настоящего мужчину, чтобы тебя оберегал и лелеял.

Переговариваясь с мамой, я стала скидывать вещи в саквояж, не заботясь, как они уложатся.

— Я не думаю о замужестве.

— Послушай, это наше будущее.

— Может ты за своим будущим поехала.

— Я тебя не узнаю. Ворчишь с утра. Что с тобой?

— Мама, почему не сидится на месте, не успокоишься.

— Дочь ты меня должна тормошить, а я пытаюсь влить в тебя жизнь. Авантюризм — это дух жизни.

— Я не люблю твой темп жизни.

Наконец, мама схватила мой саквояж и снесла по лестнице вниз.

Придется идти за флагманом, благо у меня есть книжки, буду их читать.

— Мама, разве ты не знаешь, туда едут каторжники или сбежавшие от преследования закона люди.

— Я как раз подхожу к твоему определению.

— Мам, ты говоришь, что ты приступила закон.

— И не раз, дочь.

Когда ты узнаешь правду о близком человеке, живя с ним рядом, маяча каждый день другу у друга перед глазами, и ты понимаешь, что просто не знаешь его, какой бы не был родным для тебя.

— Мама фургон пришел.

Мы двинулись в сторону Калифорнии по «калифорнийской тропе» Это был век фронтира, продвижение белых людей к западу.

К нам присоединились другие фургоны. Во многих фургонах, были маленькие дети, молодые пары, и просто люди, ехавшие за своей мечтой, чаще за обогащением.

Мама была одета, как ковгерл, джинсы с широким кожаным ремнем и шляпой на голове, прячущие ее золотые волосы. В отличие от мамы у меня были отцовские волосы, черные как вороного крыла. И частенько, меня принимали не за дочь ее, а как за чужого ребенка.

Первая половина путешествия, было приятной, растительность, поглощенная осенней простудой, не сдавалась, зеленая листва широкими пятнами, ярко выделялось на фоне желтизны, и давала шанс — глазам порадоваться.

Мама успела со всеми перезнакомиться, особенно с мужской частью, во время стоянок.

На одном из стоянок, когда я сидела в фургоне, стало холодно, предпочла не показываться, укрывшись пледом.

— Тебя зовут Хелен.

Я обернулась, рядом с нашим фургоном стояла лошадь с восседавшим молодым наездником, сделавший первый шаг, к моему хандрившему одиночеству.

— Не удивительно, вместо, как тебя зовут, моя мама постаралась познакомить меня со всеми путешественниками.

— Да, она еще сказала, что ты не общительная.

— Ей лучше знать, она породила меня.

— А ты тоже с характером. Мне такие девчонки нравятся.

— А мне нет, вроде тебя, которые уверены в том, что другие люди рады получать вашу оценку.

— Твоя мама не такая. Что ли веселая, открытая.

— А еще неплохо стреляет. Я в тон сказала, о другом качестве мамы.

— Хорошо. Тебе придется признаться, как к тебе обращаться.

— А ты забавная, зовут меня Рейн.

Люди стали собираться, Рейн улыбнувшись мне, дернув за поводья, конь двинулся вперед.

Я осталась со своими размышлениями. Он мне тоже понравился. Несмотря на мальчишеский вид, в нем чувствовалась мужская сталь — как он держится в седле, решительность действий, незаметные жесты, присущие определенной мужской закалке и чистая мужская бравада, переданная по наследству от отца.

Впервые в жизни, встрепенулись, зашевелились потаенные желания, быть порабощенной противоположной половиной. Он мог украсить любой подиум и был бы нарасхват не только у **девушек из окружения братвы**, но и у **изысканных светских львиц**, **собирающихся** на модных приёмах.

— Хелен, ты еще не ела. Я тебе принесла конину.

Встрепенулась, для меня не просто слово, а действие, быстро взяв вяленую конину, почувствовала, солоноватый вкус конины, мне пришлось довольно долго пережевывать, но этого стояло, чтобы почувствовать себя не голодной.

Нас предупредили, что завтра к вечеру будем на земле апачи. Так, что сегодня, нужно хорошо отдохнуть.

Приодевшись, я вышла к костру, жарили мясо. Искры от пламени, снопом освещали лица, сегодня не так было шумно, только мамин голос и смех выделялся среди зловещего шепота. Все чего-то боялись. Я заметила Рейна. Рейн был поглощен разговором с белокурой девицей. Даже не видел, что обстановка кардинально была не романтическая. Мужчины готовили стволы. Женщины подбирали юбки.

Я подошла к маме.

— Почему так мрачно.

— Завтра, дорога будет опасной, многие из нас, возможно, погибнут.

— Люди бегут от проблем, но у нас видимых проблем не было, и ты готова рискнуть и моей жизнью?

— Хелен, я многое не могла рассказать тебе, в силу твоего жизненного опыта. Наверно, пришло время. Мама взяла паузу, затем произнесла: «исповедоваться»

Ты не знала моих родителей, они погибли, были убиты, я осталась живой. Давай, по порядку.

Отец меня воспитывал, как мальчишку, он состоял в мафии. Мама была прекрасной домохозяйкой. Вот откуда у меня навыки владения оружием. Я бы не назвала бы это обучением, это была настоящая муштра. Рано утром бег, отжимания от пола, затем тренировки и рукопашный бой. Я не знала, что быть одетой в платье, моя мать была безропотной женщиной. Так что, быть женщиной было не для меня. Однажды, я пришла домой (уходила взять дань с нашего магазина) увидела, два трупа: отца и матери, они были привязаны к стулу, с пулевыми отверстиями во лбу. У меня не было слез, я знала, что мир был жесток. Похоронив их, я вошла в мафиозную группировку. Познакомилась с главарем, он сделал меня любовницей, он меня любил. Но наши отношения недолго продлились, был убит. Я забрала все то, что мне причиталось. Мне встретился твой отец, интеллигентный, немного неуверенный в себе, таких я не видела мужчин. Вот так. Строить заново, мне пришлось самой. Благо твой отец не лез в мои дела, пока это не разборка, где попытался защитить меня. Тогда на его могиле, я по-настоящему плакала.

Я просто обняла ее. Она стоила этого. Прожить такую жизнь, и не делать из меня мужика, по своему подобию. У меня были красивые платья и моя свобода, подаренной моей мамой, быть собой.

Все заметили, наши объятия, и как цепная реакция среди людей, сидящих и стоящих возле костра, передался жест близости и единения. Кто-то всплакнул, маленькие дети уже спали. Рейн подошел со своей пассией поближе к костру. Они держались за руки.

Я от них отвернулась, мама заметила.

— Дочка ты влюбилась?

— Мама я еще не определилась с чувствами, но почему-то, вот «это» мне не нравится.

— Он интересовался тобой.

— По-видимому, он в поиске, ему нужна любая юбка, более доступная.

— Откуда у тебя столько цинизма.

— Наверно, я чем-то должна походить на тебя.

Мама улыбнулась мне, искорки костра стали менее бесшабашными, ночь спустилась густой пеленой, невдалеке завыли койоты.

Мы с мамой пошли в свой фургон, чтобы через мостик — сон, встретить следующий день.

Наша скорость продвижения заметно снизилась. Мужчины, окружили повозки по периметру, впереди были посланы следопыты, проверить дорогу.

Принятые меры предосторожности, в считанные минуты были превращены в хаос стрельбы, криков и стонов. Я была напугана.

Напали на нас не индейцы, а настоящая банда. Моя мама, боясь за меня, освободила коня от фургона, скинув меня на круп коня, отстреливаясь от бандитов, мы пустились наутек, к горам. За нами недолго гнались, мама четко знала свое дело и довольно быстро уложила всадников, и конь оказался, довольно быстрым и выносливым, благодаря ему взобрались на гору. Остановившись, она меня, как куклу сняла с коня. Я не чувствовала, своих ног. И весь позвоночник отозвался болью, когда встала на ноги.

Коня отпустили, чтобы не привлечь внимание, укрылись сами за скалой. Еще были слышны: стрельба, крики, которые через некоторое время стихли.

В такой какофонии битвы с неприятелем, мне стало горько от мысли, что я потеряла олицетворения своих первых чувств к мужской половине, к Рейну.

Я впервые, обратилась к богу, чтобы он остался живым, пусть даже не влюбленный в меня. И тут же, отдернула себя, по природе не была альтруисткой, и представить не могла, что он живой, но с другой.

Когда все стихло, мы еще боялись высунуться из своего убежища.

— Ну, дальше? Мне не хотелось быть убитой, хотя имея такую маму, возможно и выживу.

— Ждем койотов, если не пуля — дура, то можно стать ужином для них.

— Дочка, почему у меня такая пессимистка.

— Наверно, весь оптимизм у тебя.

— Давай спустимся, бандиты ушли. Нам надо помочь раненым и собрать пожитки.

Ночь спустилась, койоты чувствовали кровь, их завывания стали ближе, открывшаяся взору часть вселенной давило со своими звездами на нас. Мне стало холодно. Освещая факелом себе дорогу, добрались до стоянки смерти.

Оказался один раненый, Зик, отец большого семейства, жены и детей не было среди мертвых. Моя мама осмотрела его рану, пуля не задела важные органы, улыбнувшись сказала ему: «жить будешь»

Я увидела ту девушку, которая была с Рейном, ее белокурые волосы разметались вокруг головы, окружили ореолом. Меня поразило ее лицо — ни страха, ни боли, а умиротворение. Первая мысль пришла в голову, она уже в раю. Среди убитых на было Рейна.

— Не так много их, остальных захватили в плен.

— Зачем в плен? Это обуза.

— У кого-то есть родственники, могут взять выкуп, других в качестве рабов.

— Мы с тобой одни. Мама посмотрела в сторону стонущего Зика.

Многие фургоны были угнаны. И все же нам повезло, фургон с лошадью, незамеченный бандитами, стоял между кучкой деревьев и одиночной скалой, не вписывающийся в этот ландшафт.

Там была вода, и провиант в виде сушеного мяса.

— Кому-то ангелы помогают, — я имела ввиду не себя, а маму.

Переложив Зика в фургон, мы побоялись разжечь костер не из койотов, а за других животных в человеческом обличии. Пришлось и мне ночью бдеть, тишина охватившая, после воя койот, мне показалось подозрительной. В каждом движении тени я видела человеческую фигуру, нервы были напряжены и названное, кем-то мое имя, вызвала бурную реакцию в виде истошного крика: «просыпайтесь»

Зик застонал, мама взвела курок.

Так встретили Рейна. Он был живее всех живых. Мне хотелось кинуться к нему на шею, но вместо этого кинулась на него кулаками: «Ты не мог подождать утра?»

— Нам надо двигаться, как можно скорее. Утром они будут здесь.

— Предлагаю, отъехать и обсудить план освобождения наших людей.

— Ты наверно, рассчитываешь на мою маму?

— Хелен, я рассчитываю на самого себя, но фургон не помешает нам держать наготове.

Мы, подсвечивая дорогу тлеющими факелами, выдвинулись, командовал передвижением Рейн.

Дорога приблизилась к горному кряду, это было на руку нам — это шанс спрятаться от врагов.

Стало светать, мы набрали скорость, Рейн, на своей лошади скакал впереди фургона, я ехала в фургоне с постоянным стонущим Зиком.

Не выдержав, спросила маму: «Ты же сказала, что рана не опасна для жизни, почему он постоянно стонет и не встает?»

— У него рана воспалилась, он лихорадит.

— Лечить надо.

— Наверно, остальных спасать лучше позже, — намекнув, что у нас есть тяжелый раненый.

— До форта, далеко, если мы отъедим, то смысла нет их спасать. Мама была за план Рейна.

— Отобьем наших людей.

Я была удивлена ее логикой. У нее все легко раскладывалось :у бандитов забрать то, что у нас они отняли, будто пальцем щелкнуть.

— Тебе не кажется, что ты меня записываешь в будущие трупы. Я не боец, могу только охать и причитать. Надо бы для этой поездки меня подготовить, хотя бы револьвер научить держать.

— Мы вдвоем справимся.

— Вы, против армады головорезов. Это легкомыслие, граничащая с безумием.

— Не переживай, я не в таких переделках была.

— Успокаивает. Мне ничего не оставалось делать, как плестись у более инициативной личности, — мамы.

Рейн с мамой переговаривались, вскоре они нашли укрытие, довольно сносное, настоящая пещера, углубляться мы не стали, развели костер, замерзли все. Зика положили возле костра, рана небольшая, оказалось с большими проблемами. Мама осмотрела, решив виски никому не понадобиться, решила очистить рану и влить ему в рот.

Подкрепившись, решили, пока Зика не трогать и не отъезжать далеко от места пленения наших земляков.

Я как поняла, Рейн видел пристанище этих бандит, он нарисовал план на песке, они обдумывали, как лучше сделать. Все-таки их было двое.

Решили напасть ночью, оседлав коней, они стали прощаться со мной. Зик после чистки раны, заснул сном праведника.

Я подошла к маме. Она подобрала волосы под шляпу, укрепила пряжки, **и её ноги уже были** в стременах.

— Мама знай, я не доеду до твоей мечты, прошу будь осторожней, отговорить от этой опасной затеи, я наверно, не в силах. Мама нагнулась и обняла меня, потрепав на макушке выбившие мои волосы.

— На тебя ответственность довести раненого до форта.

— Мама на тебе ответственность за меня. Я расплакалась.

— Дочка ты знаешь на моей стороне удача, еще Лукреций сказал: «Там, где есть смерть — меня нет, а там, где я — там нет смерти»

— Мама, ты не Лукреций, и все же он умер, давно. Я не переставала плакать.

— Дочь я не могу оставить наших людей. Рейн точно один не справится.

Рейн подъехал поближе к ней.

— Я постараюсь твою маму уберечь. Не плачь, прошу.

Вытерев слезы, я долго махала вслед им, всех богов вспомнила, чтобы им они помогли.

Ночь наступила, похолодало. Проснувшись Зик впервые без стона, попросил поесть и пить. Сам привстал, спросил: «Где остальные?»

Я ему коротко сказала: «на задание»

Зику были отданы теплые пледы, я как могла куталась в пальтишко, и никак не могла согреться, меня колотило не столько от холода, сколько от нахлынувших предчувствий тяжелого беспросветного будущего без моей мамы.

В эту ночь, я вспоминала, сколько мною было сказано лишних и несправедливых слов в ее адрес, а она только пыталась уберечь от ошибок, чтобы мне не было потом больно. Снова навернулись слезы. Я поняла, это путешествие научила меня распускать нюни, но никак не становлением сильной личности, как хотела моя мама.

Зик, видя мое полусогнутое состояние, я казалось ему заболевшей, протянул мне плед: «мне не холодно»

Так, оба слушали вой и ночные шорохи.

Я не сомкнула глаз, мне снились кошмары, от которых просыпалась и начинала плакать.

Зик бодро себя чувствовал и рвался в бой. От меня он ничего не добился, в каком они направлении поехали.

— Вы собираетесь пешком? Вчера только лежали и не могли шелохнуться, а сегодня готовы сложить голову, непонятно где.

— Я хочу им помочь, а вдруг их тоже схватили.

Я не стала поддерживать разговор, напоминающий разговор двух идиотов.

Ему стало неловко. Нам оставалось, только ждать.

День уходил, прощаясь, разбрызгивая последними отблесками розового света, переходивший в пылающий огонь садившего солнца за горы.

Нервы мои натянутые до предела, отразились в крайней раздражительности к персоне, который спокойно не забывал поглощать еду, иногда он вставал и уходил куда-то. Меня успокаивало его отсутствие, я могла расплакаться и расслюнявиться жалея себя, что осталась одна на белом свете.

Прошли сутки, ночь пришла неожиданно, я была не готова, чтобы отсутствовала мама и в эту ночь. Слезы были выплаканы, и тупая боль заволокла мою голову, никаких перспектив на что-то хорошее. И всё-таки усталость навалилась на меня. Сквозь дремоту я слышала голос мамы и ещё кого-то, а когда проснулась, увидела всех остальных попутчиков и маму, которая рассказывала, как они с Рейном **расправились** с бандитами.

Я не верила своему счастью, кинулась на шею к маме и зашептала горячо: «мама, — ты единственная и неповторимая, моя мама»

— Мама, я сомневалась, что вы можете победить этих головорезов.

—— План неплохой. Я вначале сомневалась, но бандиты оказались настолько глупцами, что обмануть их было проще простого. Я убила главаря — самого оперативного и умного. Остальные заглядывали ему в рот. Это дало нам время пробежаться по лагерю с воем и криками: "Апачи рядом!". Те кинулись врассыпную, и след их простыл.

— Почему так долго? — Мне пришлось долго высматривать главаря в темноте. На всё требовалось время. А после этого мы с Рейном поняли, что проще простого появиться внезапно, с криком. Мы внесли такую суету, что её хватило бы на целый день, пока мы добирались.

Утро выдалось туманным, наше передвижения оживилось. Во главе, фургонов поставили мою маму. Мужчины подъезжали с некоторой периодичностью, она отдавала распоряжение.

До форта оставалось несколько миль...

Призывной клич апачей, услышали все. Дорога была пустынной, из укрытия, можно посчитать несколько деревьев и овраги.

Мама отдала распоряжение гнать, что есть сил, все были из мужчин наготове встретить огнем из оружия.

Туман стал быстро рассеиваться, это было для нас плохо.

Нам казалось, что клич апачей то приближался, то удалялся.

Из фургонов вылетали какие-то тряпки, колеса подпрыгивали и готовы были оторваться от остова фургона. Пыль подняли такую, туман казался призраком, такая завеса либо на руку нам, либо на руку индейцам , указывая им наш путь.

Дети кувыркались внутри фургонов, женщины взвизгивали, я чувствовала себя тряпичной куклой, которая болтается, согласно закону великого перенаселения.

Послышался первый выстрел, нас индейцы заметили, и целенаправленно двинулись к нам. Мама объединила мужчин вокруг себя и использовали укрытия в виде оврагов и оттуда по всей линии — начали огонь.

Мои мозги вытряхнулись и не осталось место чем думать, но чувство страха, что снова потеряю родного человека, отзывалось в клочке подпрыгивающего моего сердца.

Из-за пыли я ничего уже не видела, но зато было слышно, как дежавью: топот копыт, залпы, крики.

Шум удвоился, я заметила появились новые люди в солдатской форме, они на лошадях мчались, в сторону, где шел бой с индейцами.

Лошадей притормозили, бедные животные взмыленные, сразу встали как вкопанные, торможение было не из легких, фургоны налетели на лошадей, те взвившись на дыбы, испуганными глазами таращились, определяя, что дальше делать.

Их быстро успокоили.

Я вышла из фургона, ища глазами свою маму. Стрельба свелась на нет.

Мужчины возвращались, среди них я искала свою маму. Наконец, я увидела Рейна, а рядом на скачущей лошади маму

Увидев ее, мои эмоции бродили, начиная от ненависти к ней и к страху потерять маму.

Спешившись с лошади, она подошла ко мне. Я кинулась со словами: «Я ненавижу тебя, постоянно живу в страхе потерять тебя» Слез у меня не было, но только судорожные всхлипывания, подкатывающей к горлу, с периодичностью вырывались нечленораздельными звуками.

Мама обняла меня: «Мы с тобой об этом уже говорили, давай успокоимся»

Солдаты форта присоединились к нам, этому мы были очень рады. Особенно, я, которая ощутила себя в безопасности, но главное, что мама впредь не будет лезть на рожон ради всех под пули.

Мама скакала рядом с нашим фургоном, к нам часто присоединялся Рейн.

Мне показалось, что между Рейном и моей мамой установились отношения, больше похожие на симпатии.

— Хелен, — окликнул меня Рейн. Мама отъехала на лошади от нас, подозвавшему ей человеку в форме.

— Да, слушаю.

— Хелен, есть ли у меня шанс быть замеченным тобой. Я думаю, у каждого есть, ты замечена моей мамой.

— Да, твоя мама «мужик в юбке».

— Это не комплемент даже для моей мамы. Я обиделась за маму.

— Прости, я в хорошем смысле.

— Какой бы смысл не был, звучит грубо, особенно, для женщины.

Я решила перевести разговор, спросила об этой девушке, с кем он тогда общался.

— Жалко, я с ней только сдружился, она забавная. Ее зовут Мари.

Вся семья погибла. Мне очень жаль.

— Мари, красивое имя. Ты будешь помнить ее.

— Да. Рейн пришпорил коня, даже не попрощался со мной. Наверно, были живы до сих пор его чувства к ней.

Холодало. Мама сообщила, что погиб Зик, хотя мы особо с ним не общались, но наши переживания слились в ожидании, для меня он стал частичкой общей истории, мне было его жалко.

— Мама, ты не хотела бы спокойной жизни?

— Хелен, хочу, но нужно для этого много сделать.

Я только грустно протянула: «понятно»

Наш въезд в форт был торжеством для населения, проживающим в этом городке.

Деревянные дома, прижавшие друг к другу, разной высоты, создавало печальное зрелище для меня, мне казалось, что это только наша остановка и от этого кошмара мы скоро поедим дальше, но увы, нам придется жить и участвовать в созидании этого городка.

Среди толпы, доброжелательной настроенной. было мало стариков, в основном крепкие мужчины и женщины разных мастей, начиная от вульгарных одетых до богатых разодетых дам.

Я начинала вглядываться в свое будущее.

Наконец, к нам вышел мэр этого городка, представился как Уайльд.

После добрых слов приветствия, воспевая нашу доблесть, что мы все-таки добрались до них, закончил, тем, что не потерпит нарушения закона, действующего в его городке.

Толпа издавала различные звуки различного происхождения — смеха, улюлюканья, иногда слышались членораздельные замечания или вопросы.

Мне хотелось помыться и лечь отоспаться, даже есть мне не хотелось, казалось, что я прожила вечность, прежде чем оказалось в этом чистидище.

Мама нашла комнату в гостиничном доме.

Хозяйка оказалась, довольно сносной женщиной, даже предоставила нам чистое постельное белье и показала, где нам принять ванну.

Комната была чистой, коврики лежали возле наших кроватей, но одно было «но», стены этой комнаты никак не защищали от уличного шума.

— Мама и что дальше будем делать?

— Давай отдохнем, я тоже не семижильная.

— Нас разбудил шум возле дверей, сначала — смех, а затем выстрелы, мне казалось, что мне снится, но оказалось это жуткой реальностью. Мама приготовилась отразить нечто, о котором сама не знала, я тоже была наготове, спрятавшись за сундук, который стоял напротив дверей и недалеко от окна.

Она резко открыла дверь и, по-видимому, вытолкала нарушителей покоя на лестницу. Мужчина и женщина не ожидали нападения: покатившись вниз, мужчина всё ещё сжимал в руке пистолет и пытался прицелиться в маму. Она спрыгнула на площадку первого этажа и приставила кольт к его виску

— Сделаешь лишнее движение, не задумываясь грохну тебя, — и для подтверждения осуществления угрозы, она силой вдавила холодное дуло в висок. Мужчина замер и бросил свое оружие.

— Хелен принеси его пистолет, я уже стояла в проеме дверей и наблюдала за всем происходящим.

Я молнией спустилась, зная, что изменения ситуации может быть на руку этого бандита.

— Молодец, сейчас может подняться к себе в комнату — мамины команды звучали и для меня угрожающе.

Видя, что перед ним не просто женщина, а воительница, он, ругаясь, шатаясь стал подниматься, и как мог быстрее стал уносить свои ноги отсюда. Про ту женщину, которую мы спасли, вместо благодарности маме повторила те ругательства, адресованные в качестве аванса нам.

— Приехали, законы стали устанавливать.

Она тоже была пьяна и к тому же на ней была разорванная одежда. Женщина покинула нас, исчезнув в одной из комнат этой гостиницы.

Мы с мамой переглянулись.

Спать уже не хотелось, спустилась ночь на этот несчастный городок.

— Давай, пойдем в зал-предложила мама.

— У нас есть вяленое мясо, давай не пойдем, точно доброго не найдем-возразила я , кутаясь в плед, сидя уже на кровати

— Хорошо.

Тишина ночи, это не для этих мест.

Мы с мамой лежали и каждый думал о своем.

— Мама ты была счастлива с отцом?

— Да. Он был милым человеком.

— Милым, но не любимым.

— Я не могу сказать тебе, что его не любила. Он был хорошим человеком.

— Наверно, куда мы приехали — эта твоя стихия. Опасность, перестрелки и неизведанное, то, что тебя всегда влекло.

— Не всегда, но ты в чем-то права. Порой думаю, ты у меня такая умница. А тебе нравится Рейн?

— Ну, мам...

— Я спросила, потому что он интересуется тобой.

— Мама не будем о Рейне, завтра, что будем делать?

— Я тоже думаю, есть здесь золотишко, может рванем. Тогда смогу устроить жизнь тебе и себе.

— Ты никогда не задумывалась, что в следующий раз может не повести тебе. Нет мама, я не буду подписываться себя под «золотую лихорадку»

Так ночь прошла для нас с беспокойством о завтрашнем дне. К утру все стихло.

Спускаясь вниз, в гостинице никого не было.

Один мужчина в углу, надвинув шляпу на лоб, видимо спал. От него разило алкоголем.

Мэр городишки был полноватый мужчина, он уже был на ногах и ждал посетителей.

Мы были первыми. Я увидела Рейна, который вышел из неказистого обшарпанного дома. Ночные излияния отразились на его лице одутловатостью и блеклыми голубыми глазами. Он поприветствовал, улыбнувшись мне, подошел ко мне, сев рядом со мной на ступеньки.

— Рейн ты выглядишь не здоровым. Ты пьешь.

— Хелен, я просто не спал сегодня. Толи клопы, то ли еще что-то.

— Мама хочет двинуться к горам, где есть золотые жилы. Найти свою жилу. Рейн, а ты чего хочешь?

— Стать богатым. Такой путь проделали.

Наконец, отворилась дверь, и мы с мамой вошли первыми.

Мэр и несколько мужчин, в военном амуниции сидели на стульях, вытянув свои ноги и поглядывая на нас с интересом никак на новых людей, а как на женщин. Вопрос не озвученный вслух, но во взгляде, кидающие на нас, примерно, был такой:» насколько они могут зайти в отношениях с мужчинами далеко? «

Мама вела себя с почтением, она вежливо спросила в отношении земли, работы.

Мэр из всех мужчин был не плотояден до женщин, он предложил работу полицейским, о подвигах мамы, городишка был наслышан, что владеет орудием, лучше всякого подготовлен-

ного стрелка. Насчет земли, он развернул пожухлую карту, ткнул пальцем и сказал ей: «Забирай». Вот так было просто, оказалось, только для нас, благодаря ее таланту воительницы. Рейну предложение не было сделано, либо хочешь прииски, но ищи сам, либо покупка земли, у него не было таких денег. Он вышел огорченным, с мыслями о невозможности разбогатеть здесь.

— Вы можете стать полицейским. Нам нужны такие женщины, умеющие проявить свой характер.

— Подумаю, насчет земли, посмотрю, затем решу.

Итак, день был посвящен поиску отведенной нам земли.

Я присоединилась к маме, в таком злополучном городе, не решилась оставаться с этими людьми, где закон писали с помощью силы и орудия.

День был солнечным, ветер холодный, не давал радоваться этому солнцу. Мне казалось, что здесь я прожила уже годы и все, что происходит со мной, это наказание за прошлую жизнь, о которой не помнила, и не было сил все исправить.

Я обрадовалась, к нам присоединился Рейн. Заметив, что я стала к нему относиться, как другу, он был не прочь помогать нам, точнее мне, моей маме не требовалось помощи, это она могла всем помочь.

Перекусив в одном из предложенных Рейном заведений, они, не теряя времени, вскочили в сёдла. Когда мама уже закидывала ногу на круп, её окликнул мужчина в кожаных брюках и широкой шляпе, надвинутой на пол-лица. Она приостановилась и твёрдо встала на землю.

— Я вас хочу предупредить, земля каменистая и облюбованная местными племенами, там точно, придется быть начеку. Мэр отдает эту землю даром, вы увидите недалеко столько могил, что это уже не земля для живых людей, а земля для следующих трупов. Мы все переглянулись, он записал нас в кандидаты в будущие трупы, пока не вязалось все это с нами.

— Давайте по порядку, мэр отдал нам землю будучи, зная, что мы там не выживем.

— Вы давно здесь? Меня зовут Курт.

— Курт, достоверно, то, что вы говорите.

— Миссис, не первый год здесь. Земля есть, но мэр зажал под себя, если деньги предложить ему, выделит неплохой кусок.

— Вы купили.

— Нет, я его прижал. Он трус и жадный.

— Так и не скажешь с виду.

— Лис.

— Мне все равно хотелось посмотреть этот участок. Мама взметнула, наконец, свою ноги в стремена и села на лошадь, выпрямившись, кивнула нам головой, чтобы мы и не передумали, свернуть обратно.

— Вы упрямая, но со мной быстрее найдете это место.

Мне казалось, что Курту приглянулась моя мама. Зачем незнакомому человеку оказывать нам помощь и предупреждать об опасности.

В понимании, земля нечто цветущее, особо пахнущая всеми сезонами года, а здесь нечто каменистая с чахлой растительностью, завершающий бренный земной путь на бесплодной почве.

Рейн ехал все время со мной. У нас не получалось принужденного разговора, кто бы не начал, обязательно заканчивался на личности моей мамы.

Мне показалось, что я не свободна, настолько была привязана незримой пуповиной к своей матери.

Курт перекидывался словами с мамой, иногда обрывки их разговора долетали до нас. Если собрать воедино, что мы слышали: «Не могу поверить, мертвечина, упал, кладбище, убили за деньги»

Смешно было, что во всех услышанных словах, не было ни одного оптимистичного слова.

Наконец, мы спешили. Курт показал нам нашу землю и рукой указал на могильные холмики бывших хозяев злополучной земли.

Мама вытащила карту, сравнила местоположение участка, не оставалось сомнение, что это то, что должно быть нашим.

— Зрелище не для слабонервных.

Мы с Рейном молчали, Курт взял паузу, решение оставалось за мамой, «быть или не быть».

— Ну, и..., — лексикон моей мамы оборвался, взглянув на нас, молодую поросль.

— Дальше, что?

— Тут есть в продаже, дом с землей?

— Есть, хозяев убили наследников нет. Дом неплохой, мэр заломил цену.

— Придется поговорить с ним.

— Спасибо Курт.

Не солоно хлебавши, но проветренные и с приобретенным доброжелателем, в лице Курта, мы двинулись к мэру.

Городок ожил, на улице с озабоченными лицами проходили будущие граждане, в надежде на лучшую долю настоящего дня.

В мэрии никого не было и самого мэра не было.

— Дома. Не любитель здесь быть, или общается с приезжими банкирами. Тут надо быстро все делать, иногда день дает то, что не дает прожитый год.

— А вы чем занимаетесь, поинтересовалась моя мама.

— У меня прииск, уже успел оформить, и землю. Кстати, могу предложить, пожить у меня. У меня большой дом, сам строил.

— А за плату, могу взять не деньгами, мне нужен человек, который присматривал за домом и готовил еду.

— Если вы согласны, то жду.

Курт, размахивая руками, объяснил, где можно найти дом. Рейн почему-то присоединился к Курту.

Мы вдвоем остались, лошадей подвели к своему гостиничному дому.

Смеркалось, вроде только встали и за всей этой суетой, незаметно прожили очередной завтрашний день, ставший уже прошлым с уходом солнца.

— Мама, а почему не принять предложение Курта. Наверно, дом лучше, чем этот, — я посмотрела презрительно на деревянное здание, сделанное, далеко нетрезвыми рабочими, с его пьяными посетителями.

— Можно, но мы не знаем его.

— Ты же неплохо ориентируешься в людях.

— Вроде, неплохо. Подумаю.

— Тебе он понравился, мам, — по правде, я маму не узнавала, из уверенной и пробивающейся себе дорогу, где эта дорога не петляла, всегда твердой поступью выходила на новый уровень.

— Я что думаю, если у нас с домом и землей получится, то денег у нас не будет. Тебя оставить одну, сама понимаешь...

— А Рейн? Ах, да он тоже двинется искать свое золото, если не станет бандитом.

— Я думаю, стоит принять предложение Курта, сэкономим деньги.

— Скоро стемнеет, надо забрать вещи.

Вошли мы в комнату, у нас все было перевёрнуто вверх дном.

Моя реакция была противоположной маме, я обомлела и замерла, как будто внезапно подкралось, что-то неприятное и склизкое, мама кинулась вниз и уже слышала, как она угрожала хозяйке за этот беспорядок.

Сдавленное щебетание хозяйки, охладило мою маму, она только выругалась по-мужски смачно и вернулась в комнату, бросив стоявшую плачущую хозяйку по середине барной стойки

— У тебя пропали вещи? — разгоряченная она села собирать теперь уже пожитки.

— Да, то самое красивое платье, который подарили вы мне. а остальное так

— Мои стратегические запасы в виде женского белья, по-видимому, приглянулись больше.

Дальше мы, молча побросали свои пожитки в саквояж, по-другому, уже вещи нельзя было бы назвать, и не попрощавшись с хозяйкой, как говорится ушли в ночь.

Почти стемнело и мы с мамой уже стояли на пороге добротного и большого дома.

Курт, не дожидаясь, когда мы сами решимся сделать первые шаги в дом, он открыл двери перед нами.

Было удивительно, что в этом доме жил мужчина, тканные дорожки на полу, окна украшены занавесками, везде сквозил порядок и уют.

Мне уже нравился дом, но моя мама повела довольно себя сдержанно, на нее не было похоже.

Зато я, наговорила столько комплементов по поводу хозяина этого дома, что в конце концов на меня цыкнула мама.

— Я покажу ваши комнаты и немного о хозяйстве. Завтра буду целиком на прииске и появлюсь вечером. Желательно, кто-то должен быть дома.

Курт взял наши вещи, и мы уже стояли возле своих комнат на втором этаже.

Моя комната понравилась, скромненько, в необходимости дополнительного объекта интерьера, просился туалетный столик, но для мужчин хозяев это было неведомо.

Мама довольно долго отсутствовала, я ждала ее, что она зайдет ко мне, посмотреть, как я устроилась, не дожидаясь ее, я подошла к ее двери, приостановилась из-за довольно громкого разговора возле их дверей, я была несколько обескуражена, достаточными жесткими высказываниями, но не могла понять кому именно. Первая мысль была, что Курт оказался не тем человеком.

Мама, открыв дверь, налетела на меня.

— Мама, он тебя обидел? Хотя вопрос, был нелепым по отношению к ее личности. Обидеть ее, никому не удавалось, даже мои едкие замечания по отношению материнских обязанностей, проходили мимо ее ушей.

— Все хорошо.

Следом вышел Курт, увидев изваяния из двух человеческих фигур, он молча спустился по лестнице вниз, затем послышалось, звук хлопнувших входных дверей.

— Ты его выгнала, из собственного дома? Мама улыбнулась.

— Нет.

Наконец, мы приобрели способность выйти из оцепенения, решив оба пройти в мою комнату.

— Неплохая комната. Уютная.

— Мама, давай на чистоту, что это было. Только не говори, что я не доросла до понимания отношений между полами (могу заметить, что своей маме, я казалось ребенком, которая только открыла глаза на этот свет)

— Он предложил, — мама замялась. Я продолжила ее фразу: «переспать»

— Нет.

— Тогда не понимаю, непристойных предложений не поступило, что могло случиться между вами, будучи еще едва знакомыми,

— Ты попала, в точку, он хочется жениться на мне и сделать хозяйкой этого дома.

Меня разобрал смех.

— Да, мама, очень неприличное предложение «руки и сердце»

— Почему ты смеешься?

— Мама тебе везет, ковбой Запада, влюбляется в тебя, ты, не успев еще здесь наследить, предлагает стать женой, тут каждая, если не первая, то точно, вторая, мечтает Курта окрутить и накинуть лассо на его шею, чтобы выйти замуж за него.

— Нет, дочь. Его условия, мне неприемлемы.

— Условия, можешь объяснишь для будущего моего опыта.

— Дома сидеть и ждать его.

— Да, условия довольно жесткие, тебе не до рисков твоей жизни. Предлагает семейное болото, вместо бурлящего потока, который может прибить к кладбищенскому холмику.

— Дочь, да, я его не знаю.

— Мама, для меня это ново, ты боишься его?

Я перестала на этом этапе понимать ее, да хотелось уже спать.

— Давай, встретим завтрашний день, более или менее выспавшими.

Мама пожелала мне спокойной ночи и вышла.

Утро было теплым, встав, я решила выйти на улицу.

Проходя мимо, мамины комнаты, я услышала смех мамы.

— Мне хотелось, зайти к ней, чтобы узнать причину такого задорного смеха, но мне хватило ума, чтобы заставить себя пройти ее комнаты.

На улице было прохладно, воздух, напоенный травами, не запыленный живыми существами, проникал в каждую клеточку моего тела и заставлял думать, избитыми фразами: «Жизнь хороша, стоит жить и тому подобное».

Продрогнув, решила вернуться в пенаты, хотя они не были родными.

Заходя в дом, я заметила клубящуюся пыль, затем четкий цокот, приближающийся всадник на коне, держал вектор направления к дому Курта. Я решила дождаться его.

Я его узнала, Рейна, он буквально, остановился возле меня, даже почувствовала горячее дыхание его коня.

— Привет, Хелен.

— Привет. Ты куда-то собрался.

— На прииск, посмотрю прииск Курта, оттуда на свой будущий прииск.

— Ты уже знаешь?

— Да, вчера похлопотал.

— Вижу по синяку под глазом, сказала с долей сарказма.

Рейн подошел ко мне вплотную, от него разило алкоголем.

— Пьющий.

Рейн растерялся.

— Прости.

— За что? Ты не мой муж, можешь продолжать в таком духе.

Рейн обнял меня, прижал к своему телу и поцеловал. Мое «я» сопротивлялось, но потом поняла, что такое завоевание, мне нравилось. Выглядело, наверно, смешно со стороны, барахтанье в цепких объятиях Рейна, а потом полное обездвиживание, вкушая первые ощущения поцелуя. Мой мозг лихорадочно, соображал, отдаться ему полностью, ибо моя «темная сторона» плоти призывала сделать это незамедлительно, но другая часть, цепями гремя мое целомудрие, не слабым голосом, вторила, кто он такой, зачем вот так Мой разум победил, хотя я

уже почувствовала, как его руки мягко заскользили по моей груди, крепко обняли меня, словно хрустальную вазу, и усадили к нему на колени.

— Рейн, хватит.

Он отпустил меня, раскрасневшийся и горящим взором, тяжело вздохнув, вытолкнул слова: «твоя мать убьет, если узнает»

Оказывается, моя мама остановила, а не я.

— Входи, позавтракаем.

Ночная беседа с мамой всплыла в моей памяти, она стояла возле плиты и готовила нам всем завтрак, я помогла накрыть стол. Курт, не скрывая своих чувств, подошел к маме, крепко ее прижал и шаловливо чмокнул ее в щеку. Впервые я видела, что моя мама засмущалась.

Итак, маме было уготовано замужество, я знала, что женское начало, все же взяло вверх, нежели дух к свободе и авантюризме.

Во мне возникли противоречивые чувства, мне хотелось видеть ее такой счастливой и защищенной, в моей голове мелькнула другая мысль, а что это другая женщина, не моя мама со своими безбашенными идеями и теребившей меня двигаться вперед. Кем я буду в этом тандеме или уготовано судьбой быть третьей лишней.

Сидя все за столом, никто не обмолвился о положении моей мамы.

Разговоры крутились о приисках, о землях, о золоте. Курт похвалил Рейна, что тот достал карту, которая была бесценна. Рейн сдержанно рассказал, где он добыл.

Мужчины собрались в дорогу, а мы с мамой остались дома.

— Мама как тебя понимать, что было между вами.

— Ночь. Это был ее ответ.

— Понимаю, о какой ночи ты говоришь. Ты сделала выбор в пользу замужней женщины.

— Когда я ушла от тебя, вышла на улицу, Курт сидел на крыльце, я присоединилась. к нему.

— Я спросила, почему он хочет жениться на мне, не зная меня хорошо, разве не нашлось другой женщины за столько времени, ему ли бы страдать дефицитом внимания женской половины в этом городке.

— Он сказал, что, когда увидел меня, понял, что значит любовь. До этого были просто слово, не имеющие смысл, а с тобой это приобрело живое трепетное чувство.

— А ты, мама? Мне хотелось, услышать от нее признание, ибо мое положение с Рейном, были окрашены этой словесной бравадой о любви.

Он мне нравится. Как всегда, мама ответила кратко, а хотелось услышать от нее больше, но это была мама, выросшая в суровых мужественных условиях.

Но я решила идти до конца, были подходящие условия, мы сегодня никуда не спешили.

Мама ты можешь сравнить свои чувства к первому мужу (я не стала произносить слово папа, это было бы неуместно, к данной ситуации) и к этому Курту.

— Дочь не могу ответить на этот вопрос, нам нужно, переделать домашние дела, накормить домашних животных, вычистить стойла и приготовить, что-нибудь на ужин.

— Да, у него нет хозяйство , я не видела даже куриц.

— Есть, они чуть дальше.

— Теперь понятно, почему ты сердилась на него. Прикрылся, значит хозяйку подавай.

— Не так все просто, я сама предложила ему помощь, он не хотел этого. Чем заниматься, если ни этим.

— Да мы хотели, сами найти свой прииск, ты забыла мама

— Я впервые, боюсь за тебя. Когда был отец, он защищал тебя, я была спокойна.

Здесь Дикий Запад, в любой момент, не смогу уберечь тебя от смерти.

— Мама, я знаю. Не нужно по этому поводу волноваться. На твоей стороне удача.

— Хелен, удача сегодня есть, а завтра она у другого.

— Мама, а ты моя удача.

-Пойдем, посмотрим хозяйство Курта.

В полутора милях от дома, раскинулось огороженный участок с хозяйственными постройками, недалеко стоял дом.

— Может, эта земля не его? Меня смутил дом, который был добротным.

— Его, там живут работники они присматривают за хозяйством и его домом.

— В таком случае, зачем нам вообще быть.

— Не дома сидеть, познакомимся с людьми, расспросим о Курте. Мама поправила свои волосы, которые выбились из-под широкополой шляпы. Я никогда не видела ее в платье, хотя фигура была чистой женской и в платье, она бы соблазнила самого президента Америки.

Я заметила мужчину и женщину, выходящих из коровника. Хозяйственные постройки напоминали, выживших после какого-то урагана и простоят, только при тихой погоде.

Мне хотелось поближе разглядеть коров, которые лениво выходили из своих тщедушных укрытий. Мама в отличие от меня не залюбовалась коровами, сразу подойдя к женщине, стала расспрашивать ее, разговор я не слышала.

Коровы для меня были огромными, мои «розовые очки» слетели с моих глаз, они не были домашними и не милыми животными, они оказались настоящими зверями, которые обдавало такой мощью, что мне хотелось просто ретироваться от них.

Не думая, я присоединилась к женщинам, которых поглотила их взаимная любезность. Хозяйка, настолько соскучилась по общению с другими, что забыла зачем она вышла из дому. Муж явно не приветствовал, почесуху женских языков и неодобрительно посматривал на свою жену и на меня, но, когда взгляд переходил на мою маму, он как «хамелеон» его взгляд менялся.

— Не хватает скобяных товаров, тут занимается одна семья, но слишком дорого у них. Женщину звали Дженнифер, пересказывала какие тяготы лежат на ее плечах, если она знала, что вот так с утра до вечера ходить за скотиной, то развелась бы с мужем и при этом грозно посмотрела на него.

— А как прииски? Мама решила отвлечь от ее безысходности.

— Если мой муж был бы из железа, как Курт, то обзавелись бы, но он тюфяк.

— А Курт, мог вам помочь? — я спросила, как, между прочим, мне показалось, что мы тут стоим вечность.

— Да, благодаря Курту мы живы и имеем кров над головой.

— Может вы закончите? - муж ее, нервно теребя кнут, шагнул решительно в нашу сторону.

— Если хотите помочь, можете взять заботу кур, подсыпать зерна, собрать яйца.

Мы быстро сделали, и мама смогла помочь хозяину с лошадьми, выгнать в загон, вычистить стойло, а я с корзинкой яиц, сидела на бревнышке, подставляя свое лицо солнышку. Смех и обрывки разговоров доносилось до меня и до хозяйки.

Когда мы стали собираться, хозяйка на прощание сказала нам:» что нам помощников не нужно».

— Мама, вот так мы будем постись здесь

— Нет. У меня есть кое-какие наметки.

— Не поделишься?

— Пока нет.

— Мафиозное воспитание, не говорить «гоп»

Часть 2

Мама промолчала и задумалась.

Вернувшись к нашему пристанищу, мама накинула фартук, занялась приготовлением ужина, а мне захотелось почитать книгу

Книга была прикрытием, мои мысли вращались вокруг Рейна.

Мы не дождались, сами поужинали. Я не волновалась, но моя мама, стала чаще выходить на крыльцо, ночь была холодной, зная, что мама будет стоять и замерзать, когда она волнуется.

Я вынесла ей плед.

— Иди спать, очень поздно и очень холодно.

— Мама.

- Иди - скомандовала. Она плотнее укуталась пледом.

— Почему так переживаешь, Курт не первый раз отсутствует у себя дома. Мы же не знаем всех обстоятельств.

— Хелен холодно, иди спать.

— Ну, ладно, а то я замерзла.

Зная свою маму, больше не было слов для убеждений у меня, чтобы она перестала так стоически ждать их.

Я проснулась от шума, который доносился снизу и проникал в мою комнату. Мне не хотелось выходить из-под тёплого одеяла, но любопытство пересилило дрему, и, решительно откинув его, я почти выбежала в гостиную в одной рубашке

Ужас, охвативший меня, — лишь крупица того, что я испытала при виде бездыханного тела Курта и людей, хлопотавших вокруг него. Рейн был жив, но это меня не успокоило. Увидев маму, на лице которой отразилась боль, какой я не видела даже тогда, когда погиб отец, я замерла

Я подошла к Рейну, он был бледен и держал для чего-то тряпки и нож. Картина не из приятных, для не сведущего человека, показалось, что Рейн убил Курта.

— Рейн, что случилось?

— Апачи. Они вооружены.

Кто-то из окружения, с хрипотцой в голосе произнес: «Наши же их вооружают»

Курт пришел в сознание и позвал к себе мою маму. Мама наклонила голову к шептавшему Курту, чтобы слышать.

— Нет, не хочу. Ты поправишься — неуверенно произнесла мама.

— Сделай, как я сказал, время мало — несмотря, на слабость Курт твердо отдал приказ моей маме.

Рейн отозвался, чтобы позвать нужных людей в лице поверенного — адвоката и служителя мэрии по заключению брака.

Ожидание смерти — не самый приятный момент в моей жизни. Мне было жаль маму: до чего же глубоко несчастная женщина. Глубина горя отражалась в её позе, в новых морщинках возле уголков рта. Ушедшая бравая стать сменилась опущенными плечами и повисшей головой

Из моей практики жизни, знала, что чудес нет. Мне казалось, что отец вернется ко мне, но увы. Глядя на Курта, смерть нанесла свою печать на его облик.

В этой суете, я не понимала, зачем человек из мэрии, спешность Курта.

Оставался Рейн, который старался помочь и участвовать в малоприятных событиях, я даже боялась подойти к своей маме, чтобы утешить, она отгородилась стеной своего горя, и я чувствовала ее, как никак в этой ситуации.

Курт из последних сил смог подписать документы и произнести «люблю» и «да», затем с последним судорожным вздохом покинул этот мир, все стоявшие люди поняли, кто-то из мужчин всхлипнул, моя мама окаменела.

Когда похороны Курта завершились и разошлись люди дом погрузился в тишину

На следующий день, Дженнифер помогала маме с хлопотами по дому. К вечеру в доме остались только я, мама и Рейн. Мама разрешила пожить ему, у Рейна не было постоянного жилья, а нам в доме нужен какой-нибудь мужчина.

Мама ушла в комнату, а мы с Рейном сидели за столом., молча поглощали булочки.

— Курт оставил вам огромное состояние, маме будет твоей тяжело, прииск нужно уже завтра посетить, рабочие в растерянности, поступают разные предложения. Я слышал, кто-то готовит бумаги, чтобы выкупить прииск.

— Рейн я знаю свою маму, она будет там, и, наверняка, у нее есть план. В последние дни я отдалилась от нее, не могла, вынести ношу ее горя.

— Ты же ее дочь, и обходить в такой момент не лучшее проявления дочерней любви.

— Откуда у тебя столько мудрости?

— Я рано потерял родителей, одним словом, даже не знал их. Рос у кого попало, даже и не запоминал, где кушал.

— Как ты не стал бандитом?

— Я есть бандит с небольшим своим багажом, но у меня были учителя, которые привили вкус к понятию чести. Напрасно никого не убивал, только защищался. Для меня ценность жизни другого человека тоже важна, как и моя.

От таких правильных речей в моей душе жалобно заскулило. Я подошла к нему и села на колени. Рейн смутился, но, как мужчина, он понял, что женщина теперь в его руках. Его смущение сменилось смелыми объятиями и горячим поцелуем. Мне и самой хотелось утешения. Я поняла, что напряженное тело требует расслабления и прикосновений сильных, умелых рук. Я забылась, не замечая, как далеко мы зашли, если бы не скрипнула дверь маминой комнаты. Мне тут же стало стыдно. Я соскочила с Рейна и в мгновение ока привела себя в порядок

— Прости Рейн, я наверно, пойду спать и зайду к маме.

Рейн молча встал, пожелал приятных снов и быстро пошел в свою комнату.

— Мама ты спишь?

— Нет. Приоткрыла дверь душно стало в комнате.

— Мама, Рейн сказал, что тебе надо будет утром на прииске, а то работа встанет.

Да, я не могла подобрать слова, чтобы облегчить ее состояние. В следующую минуту, я просто села возле нее и стала поглаживать ее руку, как умирающей больной.

— Мама я не знаю, что тебе сказать, чтобы стало легче на твоей душе, я страстно желаю помочь тебе.

— Дочка, время лечит, я знаю, мне надо будет поговорить завтра с рабочими. Не переживай за меня, я справлюсь. Мы оба заснули, обнявшись друг с другом.

Мама уехала с утра на прииски с Рейном, я осталась дома одна. Мне было одиноко, книги не помогли мне в моей тоске. Дженнифер принесла яйца и попросила, чтобы мама зашла к ним.

Она мне не объяснила, а я не настаивала. Мы с ней поели. После трапезы, она решила выложить для чего звала мою маму.

— Курт нам обещал долю в фермерском хозяйстве, там коней, коров.

— Мой муж нашел земельку, выкупил, хотим съехать. Сами стать хозяевами

— Похвально, передам маме.

— Может для разговора зайдет к нам вечером.

. У меня эти люди вызывали неприятные ассоциации с грифами: человек еще не успел умереть, а его добро уже пытаются растащить на части. Я не была меркантильной, но в этом сквозило ханжеское презрение к материальному миру

Ночь наступило незаметно, у меня был приготовлен ужин Мамы с Рейном еще не было. Все мысли крутились только вокруг того, что их убили так же, как Курта. Мое состояние было близко к истерике. В постоянном ожидании потери родного человека я не видела радости ни в чем. При встрече с ними это вылилось не в слезы радости, а в беснующиеся упреки этой жизни в захолустье. Рейн и мама стояли в растерянности, пока меня не озарило: они просто устали и проголодались. Стыд — слишком слабо сказано. Этот стыд заставлял меня двигаться тихо, бояться каждого лишнего движения, чтобы не навредить им

— Вкусно приготовила, — впервые произнесла мама. Рейн подтвердил.

— Простите, я перегорела, думала, что вас, как Курта привезут.

— Ладно, я понимаю тебя. Мы с Рейном много сделали, оформили документы, поговорили с рабочими, продавцами.

— Да, Дженнифер приходила, просила зайти к ним вечером, видно не судьба сегодня.

— Завтра зайду к ним, я знаю они о чем.

— Пойду спать, выбилась из сил.

Все разошлись по своим комнатам. Я вертелась в постели и поняла, что путь к взрослению, это не года накопленные за свою жизнь, это опыт, который заставляет переосмысливать и брать ответственность за все происходящее

И еще я осознала, что могу остаться одна как перст в этом мире. Тогда мой мозг выдал простую истину: нужно получать наслаждение от малого мгновения, которое можно ощутить, а я могла найти его с Рейном. Я встряхнула головой, распустив волосы, и, как вор, пробралась в комнату Рейна. Прислушалась и смело шагнула навстречу ему

Рейн не спал. Увидев меня в дверном проеме, он вскочил с постели и, не говоря ни слова, прижал меня к стене, захлопнув дверь. Лишних слов не требовалось — мы оба хотели этого. Он целовал горячо и самозабвенно, а я, впервые познав неизведанные наслаждения, страстно отвечала на его поцелуи. Раздев меня, он бережно, словно фарфоровую куклу, уложил на кровать. Я почувствовала его тяжесть, и в следующий миг он сделал меня женщиной. На секунду я ощутила боль, а затем по телу начало разливаться тепло, пробуждая дикую, первобытную страсть. Я расслабилась: меня больше не тревожил страх одиночества. Теперь у меня был первый мужчина, сумевший пробудить во мне взрослую женщину. Я растянулась в томной неге, а он, положив руку мне на грудь, зарылся лицом в мои волосы и затих, медленно проваливаясь в сон

Засыпая, я подумала, что стоит ради этих мгновений жить.

Рейн, как ошпаренный, вскочил, услышав голос моей мамы. Мне тоже не хотелось, чтобы она знала, что я провела с ним ночь. В одной ночной сорочке я выпрыгнула в окно со второго этажа. Рядом росло дерево, ветки которого задевали само окно, поэтому мне не составило труда спуститься по нему на землю. Одно я не учла: дверь была заперта изнутри. Как я теперь объясню это маме? И все же я толкнула дверь — она оказалась открыта. В прихожей никого не было, но голос мамы отчетливо доносился из гостиной

Я залетела в свою комнату, провела в порядок себя, наспех, оделась и спустилась вниз. Мама жарила яичницу, заваривала кофе, а Рейн сидел, как ни в чем не бывало.

Завтрак протекал в мажорной ноте, я смутилась, когда мама поглядела на меня многозначительно. Рейн уплетал за обе щеки, как будто ничего не было ночью, между нами.

— Рейн ты знаешь, моя дочь еще молодая и неопытная.

— Мама, здесь все быстро понимают ценность жизни и смерти.

— Хелен, что ты хочешь сказать?

—Я совершеннолетняя.

— Рейн я полагаю, что ты не обидишь мою дочь.

— Я отношусь к ней серьезно, поэтому не причиню ей боль.

Произнося слово «боль», я вспомнила эту ночь с Рейном с такой полнотой тех ощущений, что мне хотелось рассказать маме всю правду о том, что было между нами

— Мы сегодня вернемся поздно, я попрошу, чтобы за тобой присматривала Дженнифер.

— Не нужно, я уже взрослая, — произнесенное мною утверждение выглядело шероховато по-детски.

Я сходила за молоком. Дженнифер вежливо поздоровалась со мной, но особой приветливости не проявила. По-видимому, утром у нее состоялся неприятный разговор с моей мамой, который закончился не в её пользу

Во время приготовления пищи в дверь постучали. Сначала я испугалась: это был всё же город, полный людей из конклава, которые не отличались добротой. На всякий случай я сунула кольт в карман передника. Передо мной стоял довольно ухоженный мужчина. От него веяло богатством и наглостью. Его взгляд оценивающе скользнул по моему телу. Это меня одновременно и покоробило, и взбудоражило

— Вы хозяйка, этого дома?

— Да. Я соврала, сработал инстинкт самозащиты, не знаю почему признания того, что ты хозяин укрепляют твои позиции. Хотя я понимала, что перед ним я придорожный цветочек, который любой прохожий с недобрыми намерениями может наступить своим сапожищем

— У меня есть виды на эти землю и дом. Впрочем, все по порядку.

Я не стала приглашать пообедать, а только сесть на диванчик.

— Дело в том, я выкупил эту землю, она была не закреплена правом собственности. Я закрепил, но не знал, что здесь дом.

— Вы не знали? Моё возмущение бурлило и готово было выплеснуться резкими словами в его адрес. Но я понимала, что у меня проигрышные позиции и по силе, и по знанию закона.

— Курта все знали. Человека не стало, и, как вороньё на добычу, налетели.

— Вы — его жена, молоденькая. Губа у вас не дура. Успокойтесь. Будучи вдовой, вы имеете право на наследство, и я могу на вас жениться. Я в разводе. И никаких разногласий. Вы рожаете мне детей, а я о вас забочусь.

— Вот так просто? Пришел, забрал и женился? А я не хочу выходить за вас замуж.

— Ну да, вам подавай грязных ковбоев. А впрочем, у меня мало времени, есть кое-какие дела. Завтра я всё окончательно решу. Если не дашь согласия, завтра же уйдешь из этого дома. Дальше тобой я уже интересоваться не буду.

Он резко встал с дивана, обернулся, схватил меня за талию, придвинул к себе и впился в губы. Я была готова вцепиться ему в лицо.

— Прости, не удержался, хорошенькая. Среди такого сброда...

Он ушел. Цокот его лошади стал еле слышен.

Я села на тот диванчик, где минуту назад сидел он. Как я скажу Рейну, что должна выйти замуж, чтобы остаться в этом доме?

В этот раз, они приехали пораньше. Довольные и счастливые оба напоминали голубков, которые приехали со свадебного путешествия. У меня защемило в груди от ревности.

Я решила рассказать об инциденте, после ужина.

— Какие документы? Мы только были вчера, уточняли границы владения, документы у меня.

— Он сказал, что у него право собственности.

— Рейн завтра едешь один, я здесь встречу его.

— Кстати, он собирается на мне жениться.

— Какой-то псих, — Рейн изменился в лице.

— Он не сделал, ничего плохого, — мама обеспокоенно произнесла.

— Да, нет.

Это «плохое» уже было с Рейном, но главное я не видела в этом для себя плохим.

Ночью ползком я пришла к Рейну. Рейн меня ждал.

— Он точно, с тобой ничего не сделал.

— Если имеешь то, о чем с тобой мы занимались в ту ночь, то нет. Он только сказал, что жениться на мне, чтобы я сохранила право на этот дом.

— Выходи замуж за меня. Я с твоей мамой имел серьезный разговор и рассказал о нашей ночи. Сначала, была возмущена, затем сказала, что она догадалась, что между нами произошло. Я хочу, чтобы ты была только моей. Он горячо меня поцеловал, его поцелуй снова пробудил мои потаённые желания плоти. Теперь я спокойно и методично отдавалась ему всю себя без остатков, а никак напуганная девушка, которую могли застать за неприличным занятием. Рейну нравился мой темперамент, он крепко обнял меня, удостоверившись, что я никуда не испарюсь.

Утром я вышла из его спальни, не таясь, поздоровалась с мамой.

Рейна проводили, мы остались одни дома.

— Мама, ты знаешь все о нас с Рейном.

— Да. Неплохой парень, он по –настоящему тебя любит. И помогает мне на прииске. Я подумала, что долю, можно отписать ему. Тот прииск, куда он собрался купить, пустой. Мы с ним проверили. А прииск Курта самый залежный. Там нарабатывать и нарабатывать. Но у меня другие планы, от прииска к прииску, не так стабильно. Мне хотелось, больше безопасности и прибыли на века. Хочу увидеть внуков.

Я засмеялась.

— Мама каких внуков?

— Вы же не предохраняетесь. Ты можешь забеременеть.

— Я не подумала об этом. Для меня это было новостью. Что, что, я никак не могла представить себя в роли матери.

— Я думала, что ты получишь образование, уедешь в большой город, там и обретешь счастье.

— Мама, разве не ты первая обратила его внимание на меня? Я как-то не планировала пробовать запретный плод, но, как оказалось, он сладок. Ты сама знаешь, куда мы приехали. Стоит ценить каждое мгновение жизни, и к тому же, если мы станем богатыми, всё остальное неважно.

— Ты стала походить на своего отца. Он умел ценить жизнь. Возможно, он предчувствовал, что не доживёт до старости.

— Мама, это ты должна вдохновлять меня на подвиги, а я смотрю, ты думаешь, что приезд сюда — это большая ошибка?

— Просто я осознала, что ты **в опасности** даже здесь находясь дома. Я не смогу быть всегда рядом с тобой. Когда я оставляла тебя одну там, у меня не было за тебя тревоги, а сейчас ты не в безопасности.

— Я могу ездить с вами. А дом, пусть стоит, если что-нибудь случиться с домом, построим новый. К тому же, у нас есть шанс потерять этот дом.

— Дело говоришь. Мама немного успокоилась. Раздался ненавистный стук в дверь, в этот раз пошла открывать мама. Он стоял в позе разнузданного победителя, одна рука покоилась на ремне, другая выше головы оперлась о дверной проем.

— Ого, у меня есть выбор.

— Послушай, у тебя нет никого выбора не по отношению к нам, ни к этой земле.

— Зайду, не будем столь серьезное дело разбираться на пороге дома. Он потеснил маму и прошел сразу к диванчику, мама напряглась, ее рука крепко сжала шестизарядный кольт, который покоился в кармане ее джинсов.

— Кстати, меня относят к ганфайтерам (люди, которые прославились меткой стрельбой), надеюсь испытывать судьбу не будешь. А сейчас, к делу.

Мама молча достала бумаги, и он свою очередь свои. Он передал ей, она ему. Передача и просмотр прошел в абсолютной тишине.

— Вызывает сомнения у вас законность этих сделок. Курт об этом бы мне сказал.

— Курт недолго с вами был и все секреты не успел вам рассказать.

— Границы земли четко не указаны, овраг — это не ручей. Возможно, это земля как раз за оврагом, а там ваш отмеченный ручей. Мама передала ему обратно бумаги, вы ошиблись или кто-то вас сориентировал неправильно.

— Я неплохо разбираюсь в картографии.

— Да. Земля за оврагом и, за ручьем. Это мои владения. Дело в том, что мэр, продал мне не только землю, но и ваш дом, так как был убит его хозяин, а вы еще не вступили в законные права.

— А он мне подписал о моем праве владения этим домом.

— Но ваше право, с моими деньгами и его жадностью, ничего не стоит.

Ситуация кардинально изменилась: мама выхватила документы, которыми он тряс прямо перед её носом, и порвала их. Я не успела опомниться, как она уже приставила кольт к его виску. Он был напуган. Мне было интересно наблюдать за его превращением: наглость исчезла, на лице застыл страх, а руки начали дрожать

— Послушай мразь, нет другой земли, а тебе, именно это надо. Этот дом дорог тем, что построил своими руками мужчина, не отбирая ни у кого. А ты своими грязными деньгами, хочешь свести законность сделок на ноль. Не получится. Собирайся, едим в городок, там и на месте разберемся.

Мама распорядилась принести мне веревки, привязав его руки позади скрестив его кисти, вытолкнула его на улицу.

— Мама он убежит.

— Далеко не сможет, а ты переодевайся, а, впрочем, дома кто-то должен быть.

— Я поеду с тобой, ты думаешь один такой мэр, там стая волков, которую он подкармливает, ты будешь в проигрыше, а дом, в таком случае, будет все равно не нашим.

— Хорошо едим, хотя в этом не вижу толк.

— Мама меня надо было воспитывать по своему образу и подобию, тогда не было у тебя в голосе такого отчаяния. Мама улыбнулась.

Собралась быстро и, впервые, оделась, как мама, даже нашла ковбойскую шляпу.

Усадив его на коня и привязав к седлу, чтобы он не выпал, мы двинулись по пыльной тропинке в городок. У меня снова завертелись грустные мысли, что, возможно, мы приближаем свою кончину. Закон, писанный людьми, подрывали сами люди в свою угоду, покупая закон деньгами и силой. Чем не власть сатаны? Раньше я никогда не думала о нем. Мне было комфортно, я не видела проявлений беззакония — тогда я была атеисткой. А сейчас, прожив недолгую жизнь, я впервые столкнулась с этим здесь. Но, к радости, я вспомнила о своем "постельном" друге.

Мама придерживала лошадь нашего арестанта. Он сник и, одновременно, злился, было видно по нему, какая та женщина отвоевала у него искомые мужские позиции.

Мама первая заметила, клубящую пыль позади нас, а затем услышала гиканья и топот.

Наш пленник приободрился. Мама, решительно приблизившись, хлестнула кнутом лошадь пленника, и мы рванули вперед. Какое-нибудь укрытие, но вокруг простиралась лишь голая равнина. Улюлюкивание и гиканье становились всё громче позади. Мы не оборачивались, только крики от индейцев. Так близко они не подходили — здесь была граница земель "белых" людей. "Совсем обнаглели", — подумала я. Послышались выстрелы. Мама крикнула, чтобы я пригнулась к шее коня и освободила ноги от стремян. Сделав это, я почувствовала, что стала свободнее в седле. Инстинктивно я крепче прижалась к шее коня. Мама боялась за меня, а я — за неё. Мы обе мысленно молились, чтобы в этой погоне выжить. Наш пленник болтался, как тряпичная кукла, но мне почему-то не было его жалко. Если бы шальная пуля попала в него и убила, это стало бы для него лучшим исходом

— Мы недалеко, давай, — мама заметила очертания стен обители «белых людей».

Индейцы, по-видимому, тоже это заметили, их возгласы уже были не слышны, только пыль еще поднималась облаком позади нас.

Пленник обмяк и если не сильная рука мамы, то он уже был бы на земле.

— Мама, что с ним?

— Не знаю. Может ранили? Посмотрим, когда приедем.

Оставалось немного, но мы не собирались уменьшать темп передвижения, зная, что любое расслабление, может привести нас к проигрышному положению.

Мне казалось, что здесь, в этом уголке мира страшней людей никого не было, даже койоты вызывали больше симпатий, чем людской род.

Подъехав к границам города решили остановиться. Мы выжили, и снова, удача была на маминой стороне. Она осмотрела нашего «хозяина» дома, он был без сознания, но не ранен.

Мама недоумевала, что с ним могло случиться.

— Да, ну его. Зачем переживать, давай покажем его местному эскулапу.

Мама спросила у первой женщины, которая выглядела более-менее прилично и не была похожа на остальных спившихся женщин

— Извините, мэм, что вас отвлекаю, не могли подсказать, где можно найти доктора?

Я не знала, что мама могла так вежливо обращаться. Для нее было характерно четкие вопросы без всяких прелюдий типа «пожалуйста» или «извините».

Горожанка, осмотрев нас, сделав для себя какие-то выводы, возможно, чтобы потом донести до своих знакомых новость про двух женщин и «мужчину», привязанного к коню.

— Да, есть. Его зовут доктор Нил. Он неплохой. Живет на самом краю нашего городка, дом у него заметно выделяется, сами увидите.

Поблагодарив её, она махнула рукой, показав направление куда скакать.

— Мам, вот этот дом. На самом краю, мы увидели кирпичный дом. И правда, он выделялся не только, что был кирпичным, но и высотой своего здания среди небольших деревянных построек.

— Кстати, как его зовут? Вроде Джон.

— В документах на землю, был написан Джон.

— Как много здесь Джонов, Джеков, как будто первопроходцами становились с этими именами. Не человек выбирал свой путь, а его имя.

Доктор Нил вышел первый, мы даже не приблизились к его дверям.

Вместо приветствия, первое слово, произнесённое им, было «вижу» и «заносите».

— Молча мы стащили с коня, этого Джона, он упал на землю, так, что звук был достаточный чувствительный для ушей.

— Осторожно. Доктор Нил сделал нам замечания тоном полицейского, что невольно мы почувствовали себя виноватыми.

— Если вы нам помогли, он не упал. Мама была возмущена, что Нил, мог бы и помочь, видя, что нам не справиться.

— Если каждого таскал на своих плечах, то меня не хватило. Вы ко мне обратились, не я к вам.

— Мама тебе не кажется, что доктор не так силен в своей профессии? А с другой стороны, зачем переживать за этого Джона. Выполним формальность человеческого подхода, выбросим его здесь.

Я произнесла это тихо, чтобы злополучный Нил-«докторишка» не услышал мое мнение о нем.

— Нет дочь, мы поступим, как всегда, я поступала.

— Убивала?

— Ценю тебя за твой юмор. Мне показалось, что мама на меня обиделась, хотя обижаться это было не в ее стиле.

Нил появился с простынёй в руке и коротко дал нам указания: переложить Джона на простыню. В этот раз он решил нам помочь. Волоча Джона, завернутого в простыню, мы смогли занести свою ношу в смотровую, куда указал нам Нил. Комната напоминала операционную: кругом стояли столики с устрашающими инструментами. Обстановка напоминала скорее камеру для экзекуций, нежели место, где спасают людей. — Не будем перекладывать его на стол. Его и так хорошо растрясли

— А что с ним?

— Думаю кровоизлияние в мозг. Пусть лежит здесь, приглашу полицейского, может есть у него родные. Заберут домой, осталось ухаживать за ним недолго.

— У него нет родных, а мы хотели с ним разобраться в рамках закона. Он же, молодой мужчина? Мама выражала недоумение, что столь деятельный, относящий к ганфайтерам, не перенес простой скачки.

— Мэм, или как к вам лучше обращаться

— Джулия.

Итак, Джулия, мне не хочется вдаваться, для чего вам этот мужчина. Он мне точно не нужен. Мертвяка не потерплю в своем доме.

Нил приобрел в моих глазах, не самого лучшего представителя этой профессиональной конфекции.

— Я Хелен, дочь Джулии. Давайте на чистоту, вы врач и для вас «мертвяки» — источники познания, но никак по-другому. Вы отказываете помочь ему, хотя мы желали ему смерти, вы должны больше ценить человеческую жизнь, чем мы простые смертные.

Мама на меня смотрела широко раскрытыми глазами, она точно не ожидала такой тирады от меня. Всегда было так, где мама, там говорила она, а я просто молчу, стоя в созерцательной позе.

Нил кашлянул.

–Вы меня можете в чем угодно упрекать, но я бесплатно ничего не делаю.

— Призыв к врачебной гуманности и познания не имеет ничего общего с этими условиями жизни. Я вытаскиваю пули, зашиваю раны, принимаю роды, убиваю в утробе проституток, не родившихся детей. Но не лечу, если не платят. Это моя позиция.

— Спасибо вам на этом, что отреагировали на мои упреки.

. — Хорошо. Сколько вам заплатить, чтобы вы за ним присмотрели?

Я поняла, что суровые условия жизни из меня сделали далеко недобрую женщину, а вот моя мама стала сердобольной.

— Мэм, я бы не хотел ни за какие деньги брать этого чужака, а затем возиться с оформлением его смерти и похорон.

— Можно подумать нужны здесь какие-то формальности, — я не могла успокоиться и боялась представить, что этого человека мы повезем обратно, в дом, который хотел отнять у нас, но теперь его ждало другое жилище. Такова жизнь, особенно здесь, законы еще не действовали, но люди пытались регулировать свои отношения, согласно своему умению, силы и другими качествами, которые были не лучшими.

— Может подумаете, деньги не пылятся на дороге.

— Я сомневаюсь, что вы заплатите мне.

— -А вы не сомневайтесь.

Нами была взята пауза. Доктор подсчитывал в уме и поглядывал на нас, сколько можно запросить с нас, чтобы действительно, ощутить себя счастливым человеком.

— Ну, что же, могу назвать сумму.

— Я согласна, буду спокойно за него, он не был лучшим человеком для нас, но я не хочу быть мразью перед собой.

Мама достала деньги. Пересчитала.

— Тут одного доллара нет. Думаю, названная сумма с лихвой перекроет те затраты, связанные с его «уходом» и с последующим преданием его земле.

Он взял деньги сам пересчитал.

— Донести надо. Буркнув, засунул пачку денег в карман.

— Донесем, но только не сегодня.

Так и расстались, я больше не хотела что-то говорить ему, в отношении одного доллара. С удовольствием приеду завтра и привезу один доллар. Лишь бы не возиться с Джоном.

— Пора разобраться, мама с грациозностью вскочила на свою лошадь, я повторила за ней, но это было жалким подобием, запутавшись в стремени моя нога, помешала удержать равновесие и боясь упасть, мне пришлось пригнуться к шее, пока я выпрямлялась, чтобы сесть и закрепиться на спине лошади, прохожие, проходя мимо меня, посмеивались, как неловко дергаюсь на животном.

— Мама, а что скажешь шерифу. Джон лежит бездыханный. Нас могут заподозрить в устранении в препятствии владением дома. Посмотри кругом, одни бандиты. Если знать прошлое шерифа, наверняка ни одна загубленная жизнь с помощью его рук.

— Хелен если не сейчас, все равно узнают о его смерти и к тому же, доктор знает причину от чего он умер и знает, что мы заплатили ему, чтобы он оказал ему помощь.

— Зачем себя обманывать, заплатили ему, чтобы он похоронил его.

— Если доктор ошибается, и Джон выживет.

— Хелен, я верю доктору-теперь узнавала свою маму.

Я выбилась из сил, мои рассуждения о добре и зле, так остались рассуждениями Темп меняющихся событий, привело меня какому-то истощению.

Может я беременная, поэтому так на все реагирую. Меня это мысль обрадовало и покоробило, я действительно, себя чувствовала на половину ребенком.

Двери мэрии были открыты на распашку, оттуда раздавались громкие возгласы и ругань, вперемешку непонятный хохот, который был ни к месту.

Пристанище ненормальных, — я подумала об этом сборище. Мама вошла первой, плетясь за ней и я.

Мужчины разом притихли. Кто-то из них сочувственно кинул на нас взгляд, другие изобразили плотоядную улыбку.

— Да, да! — мэр начал с непонятного восклицания.

— Вы знаете Джона? Мама задала вопрос вместо приветствия.

— Вы меня допрашиваете? Лихо. Не буду говорить, что я не знаю по поводу, чего явились ко мне. Ваш муж задолжал этому Джону-мэр многозначительно посмотрел на нее.

— Таких документов нет. Слова ничего не стоят.

— Вижу вы не в курсе здешних законов, для вас ничего не стоят, для нас являются веским аргументом. Мэр привстал со своего кресла, вытянувшись во весь рост, мы с мамой переглянулись, все-таки какой он «здоровяк». Почему –то всегда, приходилось видеть его в положение сидя.

Он взял сигару, артистично поджёг её, выпустил дым и задумался. Мне стало смешно: казалось, что мы участвуем в какой-то сцене и сейчас режиссёр скажет: "Стоп-кадр, снято". Но это происходило с нами вживую.

— В таком случае, мой муж тоже сказал, что у него долгов нет и дом принадлежит мне. Есть свидетели этого разговора. Теперь, я думаю, никаких сомнений не должно быть, документы у меня на дом есть, и подписанный вами, а других документов я не признаю. А если в этом городке закон — это только ваше слово, значит, он просто тюрьма для людей, которые приехали сюда в надежде построить будущее. Закон должен быть равным для каждого из нас и понятным, а не служить интересам одних лишь крыс

— Ты назвала нас крысами?! Мэр побагровел, мне показалось, сейчас пальнет в нас с мамой.

Тишина превратилась в защелкивания затворов кольтов.

Мама тоже была готова.

Я громко рассмеялась, настолько , все отвлеклись на меня , даже мама посмотрела в мою сторону , опасаясь за мой здравый рассудок.

— Вы ненормальные, — мэр сел обратно в свое кресло.

— Хорошо, идите.

Мы вышли. Так и не поняли, жить нам в этом доме или быть гостями у будущего приведения Джона, я не сомневалась, что он умрет.

— Что это было, Хелен?

— Мам, а как ты думаешь? Чтобы нас убили и увезли на кладбище, подписав одним именем.

— Но мы не решили эту проблему.

— Мама не переживай, она вылезет может в более благоприятной ситуации. Пусть Джон отправиться к небесам, а там будет видно.

— Скоро Рейн приедет домой, да темнеет быстро, а нам ехать довольно далеко, еще нужно ускакать от индейцев.

Мы натянули поводья, в этот раз, я легко вскочила на свою лошадку.

Отъехав на несколько миль от городка, подтверждением моих слов, мы снова услышали топот лошадей.

«Апачи не спят» — подумала я. Но мама, оглянувшись назад, кликнула мне, чтобы я остановилась.

— Вроде не враги. Узнаем, что им надо.

— Да, тут каждый первый враг. Но все же, я остановила свою лошадь.

Оказались мужчины, их было пятеро. Одеты почти одинаковы и чем-то они были похожи друг на друга, рыжеватые волосы, паклями свисали до плеч, а шляпа прикрывало по видимости, добрую часть не расчесанных волос, и у всех, у них были голубые глаза.

— Вас не догнать — произнес один из них, самый старший.

— Вы нас окружили, и нам сложно за всеми уследить, — мама кружила на коне, и я вместе с ней находилась в центре круга, образованного удальцами. Конь подо мной нервничал, часто пугался и переступал с ноги на ногу

— Тут такое дело, нам нужно найти дом. Мы плохо разбираемся в этой местности.

Мы успокоили своих коней, один из братьев протянул карту моей маме.

На карте был отмечен наш дом. Мне показалось, что этот дом проклят. Сколько претендентов, после гибели Курта. Кто на самом деле хозяин на этой земле? Пока не удалось сложить данную мозаику у себя в голове.

— Я плохо разбираюсь в этой карте, но, по-видимому, в той части света, может вам кто-то дельный найдется. Мама показала направление, махнув рукой в противоположную сторону от нашего дома. Хотя слово «наш» повис в воздухе.

Я смотрела на маму с открытым ртом, она обманывала их, и так заправски, что какое-то мгновение, мне показалось, мы сами неправильно скачем к своему дому.

Когда наивные собеседники отъехали, я, конечно, первым делом спросила, зачем было их обманывать, если нет шансов защитить дом. Скоро, возможно, даже еще быстрее они выяснят, что мы — и есть жители этого дома. Последняя фраза вырвалась у меня истерично: "Они нас убьют!"

— Надеюсь, они встретят апачей, — мама произнесла холодным тоном.

— Мам, что это? — я понимала, она состояла в банде, но знала, что она была справедливой и доброй, и не только по отношению ко мне, а тут…

—Знаешь, я ехала сюда за новой жизнью, чтобы избежать всяких ненужных разборок, а здесь, все по –другому, и жестче. Тут закон фикция, у кого кольт, и он хороший стрелок, тот и прав.

— Мам мэр, хороший стрелок?

— Нет. Но у него пресловутая власть, подкрепленная деньгами.

Мне хотелось напомнить маме, когда я говорила, что сюда едут люди, совершившие преступления, бегущие от наказания и неудачники, которые рисуют воздушные замки, а затем попадают в капканы, сотканные преступниками и становиться частью этой системы или их рабами.

Мы доскакали до дома, Рейн был дома, он встретил нас с такой радостью, что мне показалось, если был бы хвост у него, то он им вилял, как у собаки при виде хозяев.

— Рейн у тебя проблемы? Мама сходу, задала ему этот вопрос.

— Да. Выгрузка пород приостановлена, торговцы разом, как по сговору, отвернулись.

Рабочие требуют денег.

— Я еду туда, нас сегодня обворуют. Добро нужно защищать, даже ценою жизни.

— Не успев приобрести теряем. Рейн присоединился, мне тоже не хотелось оставаться одной, страх встретиться с обманутыми нами мужчинами, не было радужной, лучше пулю в лоб.

Втроем снова были в седле. День растянулся, как тетива стрелы, так не стрельнув.

К тому моменту, как мы добрались до рудников, сгустилась тьма, и вокруг не было ни души. Ничто не нарушало ночную идиллию: ни скалистые кряжи с редкими деревцами на склонах, ни одиночные шорохи, ни вой голодных койотов. Мы тоже хотели слиться с этим покоем, но наше волнение достигло апогея. Лошади, чувствуя нашу тревогу, громко фыркали и тяжело дышали.

— Ну что ж, пока всё относительно тихо: рабочие разошлись, охраны нет, — успела сказать мама, как вдруг из ниоткуда появились вооружённые мужчины и остановили нас. Уговаривать нас не пришлось: они превосходили нас числом.

.

— Я хозяйка этой породы. Мама выпрямилась в седле, моя спина согнулась под тяжестью страха.

Один из толпы мужланов, подошел к моей маме, обдавая ее перегаром виски.

— Хозяйка… громко сказано.

— Давай так, — после паузы продолжил он, выплюнув слюну. — Мы отпустим тебя и твоих прихвостней живыми. Считай это сделкой, очень выгодной для тебя как для хозяйки. Он гнусаво засмеялся, но остальные лишь хихикнули.

Я отметила, что здесь нет настоящего лидера, иначе его смех поддержали бы громче.

Рейн вел себя тихо, у меня возникла грешная мысль, кого я люблю.

— Хорошо, мы уберемся.

— Вопрос, это мэр прибирает все к своим рукам? — мама сдерживала своя коня, натягивая поводья.

— Мне плевать, мне заплатили — и это было его огромной ошибкой, он открыл карту, преждевременно. Среди мужчин пошел гул недовольства.

Мама перехватила инициативу: «Теперь все ясно, ему заплатили, а вам, что было обещано...»

"Там, где нет чести, а правит закон власти, людей используют, а затем убирают поодиночке. Я не вижу, чтобы каждый из нас был добровольным самоубийцей. Предлагаю арестовать этого ублюдка и создать свое государство, которое будет контролировать исполнение законов, принятых нами же".

— Хорошая сказка на ночь, — сказал мужчина и выстрелил в маму, но не успел: пуля мамы оказалась быстрее. Очертив короткую траекторию, она попала ему в голову. Мужчины примолкли, увидев, на что способна моя мама, опередившая события этой ночи. Рейн молчал, так же, как и я. Мы были просто лишними: она могла сама справиться с этой непростой ситуацией.

— У тебя есть план? Вижу, неплохо стреляешь. Расскажи, как его убить и ограбить, чтобы при этом не сесть. Я была на стороне правосудия, пленить и доставить его, но здесь действовали другие законы, поэтому не стала высказываться дальше

Мама продолжила.

— Америка далеко, о которой мы знаем, а другая часть Америки, это здесь и будем строить свой мир, чтобы хорошо было нашим детям, внукам, она взглянула на меня многозначительно. Мне стало неловко, хотя в темноте видны были только их силуэты, но взгляд, отыскивающий признаки моей беременности, я почувствовала на себе.

Впервые, за все это время, даже отреагировал Рейн, он ближе подъехал ко мне, показывая ночным силуэтам, кому принадлежу я.

— Предлагаю, завтра встречусь я покупателями, прииски выставила на продажу и руду, прибыль разделю. За вашу добросовестную работу рассчитаюсь, каждому по 1 проценту от прибыли. Думаю, это не мало. Каждый хочет иметь свою землю, дом, семью и более того. Тут прозвучал дружный хохот.

— А как насчет мэра, он вас убьет, он заказал вас — кто-то более дружелюбным тоном произнёс из мужчин.

— Мне нужно время, но держите связь со мной.

— Мама, у нас наверно, забрали дом, — я произнесла очень тихо.

— Уже восходит солнце, нам нужно всем отдохнуть, думаю прилечь здесь.

Я легла рядом с Рейном, он нежно обнял меня, поцеловав в щеку. Было холодно, Рейн прижал меня крепче, его тепло согрело, и я провались в сон.

Солнце ласково щекотало мое лицо, этот мир не мой, непонятный и порой страшный для меня, мне хотелось не просыпаться в этой реальности, зная, что утро принесет осознания, что нет крыши над головой, даже Рейн был слабым утешением для моего восприятия жизни.

Мелькнула мысль: как хорошо, что у меня есть такая мама! За её "широкой спиной" я всегда ощущала себя в безопасности. Потеряв её, я превратила всю свою борьбу в одну сплош-

ную погоню — желание как можно скорее уйти из жизни. Несмотря на тёплый день и дружелюбные рукопожатия мужчин, я первым делом бросилась искать маму.

— Рейн, где моя мама? — с беспокойством в голосе спросила.

— Не знаю, но нет пару других мужчин, говорят она попросила поехать самых подготовленных и сильных с ней.

Снова, мама проявляла больше мужских черт характера, нежели быть слабой и пользоваться этим, как разменной монетой. Дикий Запад превращал ее в дикую женщину.

— Рейн, ты не можешь быть похожим на мою маму, — я произнесла с раздражением в голосе.

— Хелен, мисс Джулия попросила быть на чеку возле тебя и не вмешиваться.

— Да, — осеклась я. Едва не наговорив гадостей о его нерешительности, я заметила в авангарде скачущих всадников и маму, тут же сменив гнев на натянутую любезность. — Итак, мэр у нас. Суд завтра, а сегодня нужно предупредить людей. Сейчас главное — сбыть товар и подготовить рудники к продаже.

— Мама, а что делать мне? Я не хотела впутывать в это Рейна.

— А вы с Рейном поезжайте домой. Позже ему нужно будет кое-что уладить.

— Значит, теперь это наш дом? —она поняла, что меня не устроит такой ответ. Ещё вчера он был чужим, а сегодня вдруг стал нашим. Пустой дом хранил следы нашей жизни.

Рейн вошел вслед за мной.

— Надо помыться, а то пахну неприятно, — я промолчала. Мне не хотелось с ним иметь никаких дел.

Мы молча ели, не глядя друг в друга глаза.

— Мне скоро надо выдвигаться, может ты сделаешь вид, что я тебе не безразличен.

— Я снова остаюсь дома одна, вот так легко, все по своим делам, а мне что делать, сторожить этот дом.

— Хелен тебе не угодишь, рядом нахожусь раздражаешься, ухожу тоже.

— Рейн ты мне не безразличен, ты стал частью меня, а я себя порой ненавижу.

Он молча притянул меня к себе и поцеловал. Поцелуй был мягким, ароматным, а во мне с небывалой жаждой проснулось дикое, первобытное чувство. Мои руки принялись раздевать его, он мягко меня поглаживал, и это лишь сильнее меня раззадоривало. Я так увлеклась, что мы не заметили, как оказались на полу.

— Нам вроде, никто не помешал — Рейн уже одевался. Теперь я знаю, чем тебя утихомирить — шутливо произнес он.

— Ты уже.

— Да, мне не хочется подводить твою маму.

Я заснула, так и не дождавшись. В первую половину ночи я вздрагивала от каждого шороха, который мой мозг воспринимал как хождение возле дома чужаков. В конце концов я заснула на диване. Утром меня разбудил топот лошадей возле нашего дома. Я кинулась искать ружьё, чтобы устроить засаду непрошеным гостям. Услышав задорный смех мамы, я не обрадовалась. Но как можно так жить, постоянно ожидая старуху-смерть с занесённой над головой косой, которая, ухмыляясь, сегодня милует, а завтра отрубает твою голову?

С ней было несколько мужчин, настоящие головорезы.

Мама вошла первая.

— Дочка, как соскучилась по тебе.

— А тебе не кажется, что ты пришла к той жизни, от которой убежала.

— Мне тоже не хотелось, но сегодня будет важный день, суд. Ты поедешь?

— Да. А Рейн где?

— Остался там.

Мужчины проявляли дружелюбие и подчинялись маме, и это перепадало и мне.

По дороге мама рассказала, как им удалось схватить шерифа в его постели. Другие мужчины пошли в кабак, где нашли недовольных людей, попавших в жернова жадности этого человека и не сумевших отстоять право на собственность, хотя деньги были заплачены.

Количество этих обманутых было довольно много.

Недовольство горожан так и не переросло в революцию или бунт — с их молчаливого согласия продолжалось правление мэра. Лидером мог стать любой решительный и смелый человек, но такого не нашлось. Все ждали манны небесной, надеясь, что справедливость восторжествует сама.

Шериф со своими прикормленными дружками сидели за решеткой, злые и готовые любую ситуацию превратить в наше поражение.

Собралась толпа: женщины нарядились в красивые платья. Меня рассмешило то, как местные жительницы отмечали любое событие. Даже если бы на площади казнили человека, они бы всё равно приоделись.

Мама подготовилась основательно: волосы убраны под шляпу, и — что главное — бляхи на кобурах начищены до такого блеска, что скользнувшие по ним солнечные лучи отражались яркими вспышками. Они буквально кричали: эта женщина может выхватить кольт в любую секунду.

— Мы все приехали за мечтой, — начала речь моя мама.

— И главная мечта, построить будущее, чтобы закон, написанный нами, был тем ключом, имеющий силу и исключающий несправедливость к каждому из нас, равенство всех перед законом, должно быть отправной точкой в деятельности главных лиц.

Шериф сделал для себя привилегией закон, но карой для многих горожан. Поэтому, предлагаю сегодня и сейчас, выступить тех людей, которые попали под алчность этого человека. Мама произносившая речь, не жестикулировала руками, она твёрдой хваткой руки держала все время на кобуре.

Волна возмущений прошла по толпе, но никто не решался выступить, настолько люди боялись этого человека, что даже его тень была осязаема для них.

Пауза было настолько очевидна, но мама продолжала молчать, она ждала.

Толпа зашевелилась, пропуская высокого человека с седыми неухоженными волосами с изборожденными морщинами на лице.

Встав почти рядом с моей мамой, начал говорить.

— Меня зовут Джим, я здесь давно, с первой волной переселенцев. При мне сменилось два шерифа. Я помню одного, его звали Уильям, был справедлив ко всем нам, его убили, на это мы все закрыли глаза, второй шериф, не хочу засорять свою память, был не лучше сегодняшнего, для него был закон сила и меткость, его тоже убили, несмотря на его хвалебную меткость, но этот настоящий, переплюнул последнего, тот хотя бы создавал видимость, что служил закону, а этот сделал закон для себя уличной девкой.

По толпе прошла волна поддержки, кто-то ректоном повторил последнее словосочетание: «Уличной девкой».

— У меня забрали землю и мой скот, я хотел иметь семью и трудиться, просто быть счастливым человеком, меня сделали преступником. На последнем слове, Джим тяжело выдохнул.

Джим молча прошел на свое место в толпе, люди стали активнее выходить и рассказывать о той боли, с которым пришлось столкнуться по вине шерифа.

Я не ожидала, что каждый житель этого поселка испытал на себе "сапог несправедливости от шерифа".

Когда горожане выступили и рассказали, чего они натерпелись от этого человека, слово взяла мама: «Итак, у нас нет условий, чтобы содержать такого преступника. Предлагаю завтра

на площади проверить его меткость. Если бог и закон еще существуют, он будет убит. Если же нет, и он победит в этой схватке — значит, так тому и быть».

Я не ожидала от мамы, мне казалось, что нужно дождаться прокурора, а суд вынесет ему обвинения, и он сядет тюрьму. И еще, не хотелось, чтобы мама стала тем стрелком в завтрашнем дне.

Когда все разошлись в городке было много разговоров о маме, и конечно, о том, что завтра примет она участие в качестве десницы божьей.

Повод злиться на свою маму было предостаточно, это снова игра со смертью.

— Мама тебе не кажется, что никак не выжила из себя «мужика».

— Хелен, мне бы хотелось поступить иначе, но никак: если я отступлюсь от той каши, которую сама заварила, то могу угодить в нее сама.

Люди ждут от меня действий, причем очень решительных. Убить его проще, чем держать за решеткой, которую в любой момент откроют его дружки или прокурор. А оказавшись на свободе, он станет опасен, как хищник, почуявший кровь.

— Я просто надеялась, что ты не будешь тем стрелком.

— Я ганфайтер.

— Звучит гордо — с иронией произнесла я.

Рейн подошел к нам, попросил поговорить с моей мамой без свидетелей и взглядом попросил отодвинуться от них.

Секреты и еще от меня, я почувствовала, что не стать мне такой сильной и нужной людям, как моя мама, мне не суждено.

Мы устроились в одной из гостиниц, которая была по меркам этого городка, самой лучшей. К моей маме относились, как будущему провозглашенному шерифу.

Рейн вошел в мой номер уверенно, самонадеянно, что только его и ждут.

Мне хотелось спать и тихо сама себя ненавидела, понимая, что день был для всех напряженным, но почему-то я отреагировала не лучшим образом.

Рейн, был первым человеком, на котором отыгралась по полной программе- назвала его прихвостнем, который прячется за широкой спиной моей мамы, затем закончила тем, что он и мама — оба законченные бандиты.

Рейн выслушал меня, но, к моему огорчению, не проронил ни звука и просто вышел. В бессильной ярости я швырнула ему вслед первое, что попалось под руку, — подушку. А затем, зарывшись в неё лицом, разрыдалась от собственного бессилия.

Проснувшись, я поняла, что этот день меня не радовал, солнышко лучами согрело мою щеку и отразилась бликами на стене, мне это не помогло, зная, что этот день, может стать последним для мамы.

«Итак, не буду вставать, пусть жизнь продолжается и лучше помимо меня»- я услышала осторожный стук в двери. Видимо, Рейн пожаловался на меня, по стуку догадалась, что это была мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.